

II. ЯЗЫКИ РОССИИ И МИРА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-28-36

УДК 811.512.144'367(045)

Абдуллабекова У. Б.

Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия

МОНОФИНИТНАЯ СЛОЖНАЯ КЛАУЗА В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья ставит своей целью анализ монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке с точки зрения структуры. Новизна исследования заключается в том, что в статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложения. Актуальность исследования определяется ролью структуры предложения и методов его изучения в лингвистике в целом. Основным методом, применяемым в работе, является метод синтаксического моделирования, который используется в терминах функций (членов предложения), в терминах морфологических форм слов и семантической структуры предложения.

Для тюркских языков не характерны собственно сложные предложения с двумя формально самостоятельными финитными частями, соединенными аналитической формой. Падежные аффиксы и послелогои оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные глагольные формы. Такие конструкции в агглютинативных языках являются центральными и наиболее частотными. Монофинитная сложная клауза, или предложение, осложненное инфинитным оборотом (причастный и деепричастный обороты), или «полипредикативная конструкция», согласно Новосибирской синтаксической школе, исследуется в данной статье.

Автор отмечает, что при характеристике сложной клаузы необходимо учитывать такие параметры, как финитность / инфинитность зависимого сказуемого, характер средства связи и референциальное тождество / не тождество субъектов главной и зависимой части.

Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы является показатель связи – аналитический, то есть служебное слово, или синтетический, то есть морфема в составе зависимого сказуемого. Формально это часть инфинитной формы такого сказуемого, но функционально она служит выражению отношений между предикативными частями. Поскольку зависимое сказуемое в кумыкском языке занимает конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, синтетический показатель связи располагается на границе между главной предикативной единицей и зависимой предикативной единицей.

Ключевые слова: кумыкский язык, тюркские языки, инфинитная глагольная форма, сложное предложение, финитная клауза, монофинитная сложная клауза.

Сведения об авторе:

Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела лексикологии и лексикографии ИЯЛИ, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (г. Махачкала); e-mail: irma-uma@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1978-6918.

Введение

Современный кумыкский язык относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. На кумыкском языке говорят около 425,2 тыс. чл., проживающих на территории России. Носители кумыкского языка проживают в Республике Дагестан, в Чеченской республике (Брагуны, Виноградное) и в Республике Северная Осетия-Алания (Кизляр).

Исследование синтаксиса кумыкского языка традиционно проводилось с опорой на теории, разработанные в русистике [Макаров, 1846; Дмитриев, 1940; Джанмавов, 1967; Абдуллаева, 1973; Ольмесов, 2000; Саидов, 2019 и др.]. Однако, предложения в разноструктурных языках не должно исследоваться только с точки зрения индоевропейского языкознания. Тюркские языки относятся к агглютинативным языкам.

Структура предложения в тюркских языках не тождественна структуре в славянских или романских языках. По мере углубления знаний потребовались иные подходы к исследованию синтаксической структуры агглютинативных языков. Иной подход к структуре предложения был предложен Новосибирской синтаксической школой, было введено понятие «полипредикативное предложение» (представители Новосибирской синтаксической школы – Е. И. Убрятова, М. И. Черемисина, Т. А. Колосова). Понятие «полипредикативная конструкция», по-нашему мнению, тождественно понятию «сложная клауза», которая может быть монофинитной и бифинитной.

Целью данной статьи является охарактеризовать монофинитную сложную клаузу в кумыкском языке. Задачами статьи являются: определить сложную клаузу; описать отличие финитных и инфинитных глагольных форм, входящих в сложную клаузу; описать структурные элементы монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке. Новизна исследования заключается в том, что в статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложения.

Клаузой называется любая группа, в том числе и непредикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки [Тестелец, 2001: 256]. Клауза соответствует элементарному предложению. Предложение представляет собой финитную клаузу. Нефинитные клаузы – инфинитивные, причастные, деепричастные, глагольно-именные обороты – лишены предикативности, но в остальном очень похожи на предложения. Клауза является рекурсивной единицей, то есть может включать в себя теоретически произвольное число других клауз. Клауза, включающая в себя хотя бы одну другую клаузу, называется сложной клаузой или полипредикативной единицей.

Таким образом, применяя в данной статье иной подход к исследованию синтаксической структуры предложения, мы ввели понятие, широко распространенное в лингвистике – «клауза». Далее необходимо описание параметров сложной клаузы.

1. Параметры сложной клаузы

Описание полипредикативного предложения (сложной клаузы) в ином ракурсе выполнено Новосибирской синтаксической школой. Данная синтаксическая школа рассматривала простое и сложное предложение как знаковые единицы языка во взаимосвязи плана выражения и плана содержания, что характерно для современного языкознания, а именно: рассматривать синтаксис только в связи с семантикой и видеть цель синтаксиса в характеристике синтаксических категорий, формирующих высказывания. Можно сказать, что данная синтаксическая школа в рамках категориальной (логической) грамматики определяет набор примитивных (базисных) и производных категорий, необходимых для описания языка, набор операций, необходимых для описания и объяснения языка и набор отношений между категориями и операциями.

Единица уровня сложного предложения (полипредикативной конструкции) передает отношения между двумя ситуациями действительности. Таким образом, в составе этой

единицы необходимы три компонента. Два из них называют связываемые ситуации и являются предикативными единицами – самостоятельными предложениями или их аналогами, или, по-другому, клаузами [Тестелец, 2001: 256], третий компонент – это скрепа, показатель связи, выражающий семантику отношения между событиями.

Понятие «сложная клауза» выступает как родовое, включающее в себя как виды понятия и «сложное предложение», и «предложение с инфинитным оборотом», которое многие оценивают как не вполне сложное и даже не простое. Традиционных терминов «простое предложение», «сложное предложение» недостаточно для описания многообразия полипредикативных конструкций. В данном случае можно использовать понятие «сложная клауза».

При характеристике видов, подпадающих под родовое понятие «сложная клауза» или «полипредикативная единица», необходимо учитывать следующие параметры:

- *финитность / инфинитность* зависимого сказуемого (исходя из положения, что модель как языковая единица двучленна, хотя речевые ее реализации могут быть сколь угодно многочленны; и сказуемое главной части финитно);
- *характер средства связи* – синтетический (морфема в составе зависимого сказуемого) или аналитический (послелог);
- *референциальное тождество / не тождество* субъектов главной и зависимой части [Скрибник, Даржаева 2016: 8].

Сочетание параметров *финитность / инфинитность* и *характер средства связи* дает вместо четырех два больших класса:

- *бифинитные аналитические клаузы со скрепами союзного типа* – именно к ним относится «сложное предложение» в русистике; в кумыкском языке сюда относятся конструкции со скрепами на базе глагола говорения де- (например, деп);
- *монофинитные синтетические клаузы с аффиксальными скрепами в составе зависимого сказуемого* – сюда относится все множество кумыкских причастных и деепричастных конструкций.

Сочетание параметров «*монофинитность*» + «*аналитическая скрепа*» дает не отдельный класс полипредикативных конструкций, а подкласс монофинитных синтетических, а именно, монофинитные аналитико-синтетические клаузы: инфинитное зависимое сказуемое само по себе – синтетическая скрепа, но сопровождается дополнительным аналитическим элементом (послелогом), уточняющим семантику связи.

Сочетание параметров «*бифинитность*» + «*синтетическая скрепа*» принципиально невозможно: именно вхождение аффиксального показателя связи, зависимости, делает глагольное сказуемое инфинитным, а двучленную конструкцию – монофинитной.

Учитывая важность параметра «*финитность / инфинитность*» зависимого сказуемого, далее предпринята попытка охарактеризовать различия финитных и инфинитных глагольных форм с различных точек отсчета.

2. Финитные и инфинитные глагольные формы

Инфинитные глагольные формы характеризуются отсутствием категорий темпоральности, модальности и персональности. И отсюда в традиционном понимании говорят об отсутствии предикативности у инфинитных (неличных) форм глагола.

Исследования последних лет подчеркивают, что у инфинитного глагола эти категории не отсутствуют, а имеют другую точку отсчета – главное действие. Понятие «относительное время» (предшествование, одновременность, следование) связывается с инфинитными оборотами. Понятие «относительного лица» (моносубъектность, т. е. тождество субъектов главной и зависимой части – разносубъектность) было введено исследователями сибирских языков [Черемисина, Скрибник, 1980; Скрибник, 1988: 20–27], др. В относительный план может сдвигаться также модальность предикативной единицы.

Таблица 1 – Различия между финитным и инфинитным глаголами

	Финитный глагол	Инфинитный глагол
Темпоральность	Точка отсчета – момент речи: настоящее, прошедшее, будущее	Точка отсчета – главное действие: предшествование, одновременность, следование
Персональность	Согласование с подлежащим, личные окончания глаголов разно- субъектность: разграничение субъектов главной и зависимой части	Моносубъектность: тождество субъектов главной и зависимой части

Тем самым становится вполне обоснованным понятие «зависимая (относительная) предикативность» и система «зависимой предикации» как ведущий принцип выражения связи между пропозициями в агглютинативных языках [Черемисина, 1980]. Система зависимой предикации подразумевает, что:

- зависимая предикативная единица оформляется иначе, чем независимая: инфинитное сказуемое, личное оформление по притяжательному типу, возможна форма косвенного падежа зависимого подлежащего;
- относительность всех предикативных категорий – относительная темпоральность, относительное лицо, относительная модальность;
- зависимые предикативные единицы играют вспомогательную роль в формировании нарратива: основу составляют финитные предикативные единицы, несущие новую информацию, значимую для развития сюжета повествования, тогда как зависимые предикативные единицы поставляют информацию фоновую.

Отнесение М. И. Черемисиной и ее школой к числу полипредикативных конструкций как двух подвидов и собственно сложных предложений с двумя финитными сказуемыми, и осложненных предложений с инфинитивным сказуемым в зависимой части, выражающим относительное модальное временное и личное значение [Предикативное склонение..., 1984] получает поддержку среди исследователей тюркских языков [Рассадин, 2012; Кошкарева, 2007; Баскаков, 1984; Закиев, 1995; Покровская, 1978 и др.]: в этом плане выполнены исследования по казахскому языку [Есенов, 1982], якутскому [Ефремов, 1998], карачаево-балкарскому [Алиев, 1973] и др.

Таким образом, предложение, осложненное инфинитным оборотом в русистике, полипредикативная конструкция в терминах Новосибирской лингвистической школе и монофинитная сложная клауза по нашему определению являются наиболее распространенными типами предложений в кумыкском языке.

3. Монофинитная сложная клауза в кумыкском языке

Для кумыкского языка, как и для других тюркских, не характерны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, то есть сложная конструкция является монофинитной. Например,

1. *Школадан гелип, анама кемек этме башладым* (Придя из школы, я стал помогать матери).

Школадан гелип «придя из школы» – нефинитная клауза (*гелип* – инфинитная форма), *анам кемек этме башладым* «я стал помогать матери» – финитная клауза (*башладым* – финитная форма).

Семантически выражаемые ими отношения совпадают со значениями в русских сложных предложениях.

В кумыкском языке порядок следования синтаксических элементов фиксирован (SOV): в простом предложении сказуемое всегда занимает конечную позицию, а нефинитная клауза всегда находится в препозиции по отношению к финитной клаузе:

1. *Сюек чыкъгъанча алада капарат чыкъма тарыкъ, бир дорба шекер, дюгю пайлай* (До погребения тела необходимо раздать подавание; делят один мешок сахара, риса).

Сказуемые **чыкъма тарыкъ** (необходимо раздать) и **пайлай** (раздают) занимают конечную позицию в предложениях.

Данный порядок слов, возможно, связан с актуальным членением предложения, где в тюркских языках тема, выраженная подлежащим, предшествует реме, выраженной сказуемым.

В агглютинативных языках группа коммуникативной темы и группа коммуникативной ремы формируются как два самостоятельных наименования, а тот факт, что они являются наименованиями членов единого суждения, требует специальной знаковой маркировки, позволяющей слушающему понять, что одно из наименований, входящих в высказывание, является актуальной коммуникативной темой по отношению ко второму наименованию как к реме. Поэтому, если актуальное коммуникативное членение во флективных языках реализуется в варианте актуального расчленения предложения на тему и рему, то актуальное коммуникативное членение в агглютинативных языках реализуется в варианте сочленения темы с ремой [Валентинова, 2016: 129].

Инфинитная форма, занимающая конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, содержит синтетический показатель связи, который структурно принадлежит этой форме, но функционально служит выразителем отношений между частями. Этому способствует и его промежуточное расположение на границе между финитной клаузой и нефинитной клаузой. Например,

2. *Сенден макътав къаравуллап этмегенмен* (Я не ради хвалы сделал).

-Ап в *къаравуллап* является синтетическим показателем связи, который структурно принадлежит этой форме, занимает промежуточное расположение на границе между финитной и нефинитной клаузой.

В современных типологических исследованиях по синтаксису также подчеркивается не формальная, а функционально-семантическая сторона сложного предложения как языковой единицы. Например, у С. Кристофаро термин «подчинение» используется для обозначения конкретного способа когнитивной связи между двумя событиями, так что один из них, которому не хватает автономности, интерпретируется в перспективе другого события [Cristofaro, 2001: 33]. Это определение с функциональной точки зрения позволяет сравнивать более широкий спектр языков по сравнению с традиционной методикой.

Специфика агглютинативных языков состоит в том, что отношения между двумя событиями действительности выражаются теми же средствами, что используются в простом предложении, – падежными аффиксами и послелогоми, а союзы вторичны или используются мало. В кумыкском языке некоторые подобные союзы появились благодаря влиянию арабского, персидского и русского языков:

3. *Шо багъанагъа умут булан баргъан кепдюр, амма къайтгъан екъдур* (Много тех, кто стремится к этой метке с надеждой, но никто оттуда не возвращался).

Союз **амма** (но) – заимствование из арабского языка.

Для тюркских языков не характерны собственно сложные предложения с двумя формально самостоятельными финитными частями, соединенными аналитической формой. Падежные аффиксы и послелогои оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные. Например:

4. *Аскерхан гелип, къызны герген сонг, бир гече, бир гюн эсден тайып къала* (Как увидел Аскерхан красавицу, на одну ночь и на один день потерял сознание, не приходил в себя).

Послелог *сонг* (после) относится к инфинитной форме *герген* (увидевший). Такие конструкции в агглютинативных языках являются центральными и наиболее частотными.

Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы является показатель связи – он может быть аналитическим (послелог) или синтетическим (например, деепричастный аффикс), а также может комбинировать оба способа.

Заключение

В данной статье предложен иной, чем в русистике, подход к анализу синтаксической структуры предложений, осложненных инфинитным оборотом. В тюркских языках, в том числе в кумыкском, отношения между двумя событиями передаются в основном монофинитными конструкциями с зависимыми сказуемыми – различными инфинитными глагольными формами, которые либо сами представляют собой аффиксальные, т. е. синтетические, показатели связи, как деепричастия, либо включают их дополнительно в свой состав, как причастно-падежные. На этой базе развиваются более сложные виды связи, дополненные различными аналитическими компонентами.

Для кумыкского языка, как и для других тюркских, не характерны сложные предложения, состоящие из двух финитных предложений, соединенных союзами. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, т. е. сложная конструкция является монофинитной.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Финитное предложение в кумыкском языке обычно представлено в главной части (главная предикативная единица – ГПЕ или финитная клауза), а зависимая часть (зависимая предикативная единица – ЗПП или нефинитная клауза) оформляется инфинитной формой – причастием, деепричастием, т. е. сложная конструкция является монофинитной.

2. В простом предложении в кумыкском языке сказуемое всегда занимает конечную позицию, а нефинитная клауза всегда находится в препозиции по отношению к финитной клаузе.

3. Инфинитная форма, занимающая конечную позицию в составе зависимой предикативной единицы, содержит синтетический показатель связи, который структурно принадлежит этой форме, но функционально служит выразителем отношений между частями. Этому способствует и его промежуточное расположение на границе между финитной клаузой и нефинитной клаузой.

4. Падежные аффиксы и послелогии оформляют не финитные глагольные формы, а инфинитные.

5. Конструктивным центром монофинитной сложной клаузы в кумыкском языке является показатель связи – он может быть аналитическим (послелог) или синтетическим (например, деепричастный аффикс), а также может комбинировать оба способа.

Данный подход к исследованию синтаксиса кумыкского языка и других тюркских языков является, по-нашему мнению, наиболее релевантным и коррелирующим со структурой тюркских языков подходом.

Исследование финитной и нефинитной клаузы, монофинитной и бифинитной сложной клаузы в кумыкском, и шире – в тюркских языках, представляет собой перспективу для дальнейшего изучения.

Литература:

1. Макаров Т. Н. Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис: Типография канцелярии наместника Кавказского, 1848.
2. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М.: Наука, 1940.
3. Джанмавов Ю. Дж. Деепричастия в кумыкском литературном языке. М.: Наука, 1967.

4. Абдуллаева А. З. Сложноподчиненное предложение в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1973.
5. Ольмесов Н. Х. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков. Фонетика. Морфология. Махачкала: Изд.-полигр. центр Дагестанского гос. ун-та, 2000.
6. Саидов А. М. Простое предложение в кумыкском языке. Махачкала: Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, АЛЕФ, 2019.
7. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001.
8. Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения: в 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра Росс. академ. наук, 2016.
9. Черемисина М. И., Скрибник Е. К. Опыт формального описания причастно-последовательных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1980. С. 38–76.
10. Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988.
11. Черемисина М. И. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1980. С. 154–180.
12. Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М. и др. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984.
13. Рассадин В. И. О системе причастий в монгольских и тюркских языках // Вестник Бурятского научного центра Российской Академии Наук. 2012. N 1 (5). С. 161–175.
14. Кошкарева Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.
15. Баскаков А. Н. Предложение в современном турецком языке. М.: Наука, 1984.
16. Закиев М. З. Татарская грамматика. Синтаксис. Т. 3. Казань: Татарское книжное издательство, 1995.
17. Покровская Л. А. Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
18. Есенов Х. М. Основные вопросы синтаксиса осложненного предложения в современном казахском литературном языке: дис. ... д-ра филол. наук. Алма-Ата, 1982.
19. Ефремов Н. Н. Полипредикативные конструкции якутского языка: Система, структура, семантика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 1999.
20. Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973.
21. Валентинова О. И., Денисенко В. Н., Преображенский С. Ю., Рыбаков М. А. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Языки славянской культуры, 2016.
22. Cristofaro S. Subordination. New York: Oxford University Press, 2003.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abdullabekova U. B.

Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

MONOFINITE COMPLEX CLAUSE IN THE KUMYK LANGUAGE

This article aims to analyze the monofinite complex clause in the Kumyk language in terms of structure. The originality of the research lies in the fact that the article proposes a different approach than in Russian studies on the analysis of the syntactic structure of a sentence. The relevance of the research is determined by the role of the sentence structure and methods of its study in linguistics in general. The main method used in the study is the method of syntactic modeling, which is used in terms of functions (members of a sentence), in terms of morphological forms of words and the semantic structure of a sentence.

Turkic languages are not characterized by properly complex sentences with two formally independent finite parts connected by an analytical form. Case affixes and postpositions form not finite verb forms, but infinite verb forms. Such constructions in agglutinative languages are central and most frequent. The monofinite complex clause, or a sentence complicated by an infinite phrase (participial and adverbial phrase), or “polypredicative construction” according to the Novosibirsk syntactic school is investigated in this article.

The author argues that when characterizing a complex clause, it is necessary to take into account such parameters as the finiteness / infiniteness of the dependent predicate, the nature of the means of communication and the referential identity / non-identity of the subjects of the main and dependent parts.

The constructive center of a monofinite complex clause is the indicator of connection –analytical, that is, an auxiliary word, or synthetic, that is, a morpheme in the composition of a dependent predicate. Formally, this is a part of the infinite form of such a predicate, but functionally it serves to express the relationship between the predicative parts. Since the dependent predicate in the Kumyk language occupies the final position in the dependent predicative unit, the synthetic link indicator is located on the border between the main predicative unit and the dependent predicative unit.

Key words: the Kumyk language, the Turkic languages, infinite verb form, complex sentence, finite clause, monofinite complex clause.

About the author:

Abdullabekova Umsalimat Bagautdinovna, Candidate of Philology, Researcher of the Department of Lexicology and Lexicography of the IYALI, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala); e-mail: irma-uma@mail.ru. ORCID ID: 0000-0002-1978-6918.

References:

1. Makarov, T. N. *Tatar Grammar of the Caucasian Dialect*. Tiflis, 1848.
2. Dmitriev, N. K. *Grammar of the Kumyk Language*. Moscow, 1940.
3. Dzhannamavov, Yu. J. *Adverbial Participle in the Kumyk Literary Language*. Moscow, 1967.
4. Abdullayeva, A. Z. *Complicated Sentence in the Kumyk Language*, Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Baku, 1973.
5. Olmesov, N. Kh. *Comparative Grammar of the Kumyk and Russian Languages. Phonetics. Morphology*. Makhachkala, 2000.
6. Saidov, A. M. *Simple Sentence in the Kumyk Language*. Makhachkala, 2019.
7. Testelet, Ya. G. *Introduction to General Syntax*. Moscow, 2001.
8. Skribnik, E. K., Darzhaeva, N. B. *Grammar of the Buryat Language. The Syntax of a Complex (Polypredicative) Sentence*, vol. 1, Ulan-Ude, 2016.
9. Cheremisina, M. I., Skribnik, E. K. “Experience of Formal Description of Participle-Postpositional Constructions of the Burt Language.” *Submission in Polypredicative Constructions*, Novosibirsk, 1980, pp. 38–76.
10. Skribnik, E. K. *Polypredicative Synthetic Sentences in the Buryat Language*. Novosibirsk, 1988.
11. Cheremisina, M. I. “On the Content of the Concept of “Predicativity” in the Syntax of a Complex Sentence.” *Polypredicative Constructions and their Morphological Base*, Novosibirsk, 1980, pp. 154–180.
12. Cheremisina, M. I., Brodskaya, L. M., Gorelova, L. M. et al. *Predicative Declension of Participles in Altai Languages*. Novosibirsk, 1984.
13. Rassadin, V. I. “About the Participle System in Mongolian and Turkic Languages.” *Bulletin of the Buryat Scientific Center of Russian Academy of Sciences*, no.1, 2012, pp. 161–175.
14. Koshkareva, N. B. *Typical Syntactic Structures and their Semantics in the Uralic Languages of Siberia*, Doctor Sci. (Philol.) Dissertation, Novosibirsk, 2007.
15. Baskakov, A. N. *Proposal in the Modern Turkish Language*. Moscow, 1984.
16. Zakiev, M. Z. *Tatar Grammar. Syntax*, vol. 3, Kazan, 1995.
17. Pokrovskaya, L. A. *Syntax of the Gagauz Language in Comparative Coverage*. Moscow, 1978.

18. Esenov, Kh. M. *Basic Questions of the Syntax of a Compound Sentence in the Modern Kazakh Literary Language*, Doctor Sci. (Philol.) Dissertation, Alma-Ata, 1982.
19. Efremov, N. N. *Polypredicative Constructions of the Yakut Language: Systemic, Structure, Semantics*, Doctor Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Yakutsk, 1999.
20. Aliyev, U. B. *Syntax of the Karachai-Balkar Language*. Moscow, 1973.
21. Valentinova, O. I., Denisenko, V. N., Preobrazhensky, S. Yu., Rybakov, M. A. *System View as the Basis of Philological Thought*. Moscow, 2016.
22. Cristofaro, S. *Subordination*. New York, Oxford University Press, 2003.

DOI: 10.35634/2500-0748-2020-12-36-45

УДК: [811.511.111+811.161.1]’373.2(045)

Картушина Е. А.

Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Москва, Россия

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭРГОНИМЫ И ОБЪЯВЛЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ ЛАНДШАФТЕ СТОЛИЧНОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ И ХЕЛЬСИНКИ)

Объектом исследования данной статьи является языковой ландшафт (далее – ЯЛ). В статье представлены результаты рассмотрения элементов языкового ландшафта (эргонимов и объявлений) двух столичных городов, Москвы и Хельсинки.

Методы исследования ЯЛ включают в себя наблюдение и контекстный анализ. Сравнительные исследования ЯЛ в сопоставительной российской лингвистике представлены фрагментарно, что и определило цель данной работы: сопоставить ЯЛ двух городов, Москвы и Хельсинки, и проанализировать иноязычные элементы в ЯЛ этих двух столичных городов. К второстепенным задачам данной работы относилось рассмотрение способов и причин проникновения иноязычных элементов в ЯЛ определенного города. Изучение иноязычных элементов позволяет определить, какие языки являются наиболее значимыми в данном городе.

Актуальность темы исследования не вызывает сомнений: языковой ландшафт столичных городов постоянно меняется, и значимость сопоставительных исследований в этой области трудно переоценить. В качестве материала исследования нами было проанализировано 204 контекста (эргонимы, объявления), зафиксированных на общественных пространствах Москвы и 198 примеров аналогичного языкового функционирования в городской среде Хельсинки. Контексты собирались методом сплошной выборки. Автор рассматривает основные подходы к определению понятия языкового ландшафта. В результате исследования делаются выводы о том, какие иноязычные элементы присутствуют в языковых ландшафтах обеих столиц. Также рассматриваются степень распространения иноязычных элементов из определенного языка-источника и способы репрезентации иноязычных элементов из других языков в языковых ландшафтах этих столиц.

Ключевые слова: языковой ландшафт, социолингвистика, эргонимы, языковые контакты, поликодовые тексты, финский язык, русский язык, многоязычие.

Сведения об авторе:

Картушина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Государственный институт русского языка имени А.С.Пушкина (г. Москва).